

Проблема контекста
в философии и политике

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:
НОВОЕ ПАРТНЁРСТВО

И.Т. Касавин
Институт философии РАН

Аннотация: В статье рассматриваются политические аспекты современной науки: назначение учёного, социальный статус, функции и структура науки, её роль в производстве интеллектуальной продукции в условиях глобального капитализма, институциональная и интеллектуальная преемственность, общественное восприятие научного труда и др. Одна из главных проблем, на которые обращает внимание автор, это необходимость репрезентации науки в качестве общественного блага, защищённого от рыночных сил, а не бизнес-предприятия в условиях свободного рынка.

Ключевые слова: философия науки, наука и власть, наука и общество, научная политика, СТС, технонаука, политэкономия науки, академический капитализм, общественное благо.

Каково подлинное назначение учёного? Поиск ли это нового и достоверного знания или оказание социальных услуг в рамках одного из общественных институтов, неотличимого от других? И может ли столь важный вопрос быть поставлен безотносительно того, кто и когда его ставит? Не зависит ли ответ от конкретной социально-исторической ситуации, в которой он приобретает звучание? И здесь анализ природы науки почти неизбежно смыкается с исследованием власти, собственности и управления.

1. Философия науки: дрейф проблематики

Для классической науки, провозгласившей отказ от рассмотрения политических и религиозных вопросов устами первых членов Лондонского королевского общества, связь науки и политики лишь дискредитирует науку, а потому политическая философия науки невозможна. Ситуация претерпевала минимальные изменения вплоть до середины 19 века, когда революция в биологии заставила взглянуть на соотношение науки, мировоззрения и политики по-другому. Атомная бомба окончательно оставила все иллюзии по поводу политической ней-

тральности науки в прошлом: результаты исследований и их применение уже не могли рассматриваться в отрыве друг от друга.

Внутренняя динамика философии и социологии науки также вела к актуализации политической проблематики, сменившей идеологическую нейтральность логического эмпиризма. Это нашло выражение в названии влиятельнейшей книги Т. Куна «Структура научных революций». А через пять лет после публикации знаменитой дискуссии между К. Поппером и Т. Куном [Lakatos, Musgrave 1970], П. Бурдьё публикует статью [Bourdieu 1975], в которой предпринимает решительную попытку сделать из этого выводы для пересмотра ряда проблем социологии науки. Он заявляет, что официальная социология науки легитимирует тот образ победителя, который создаётся и пропагандируется научным истеблишментом. Последний (в немалой степени благодаря Т. Куну и его «Структуре научных революций») представляет научное сообщество как особое социальное пространство, где царствует истина и рациональность и отсутствует внеэпистемическое доминирование. Французский социолог в противовес Куну разрабатывает понятие «научного поля» (*champ scientifique*), которое определяет как систему объективных отношений между социальными позициями и место конкуренции за научную монополию или авторитет, выступающий как единство научно-дисциплинарного потенциала и социального влияния. Эта дефиниция означает невозможность проведения чёткой границы между чисто научными и чисто социальными условиями научной практики. Борьба за авторитет в науке происходит одновременно в политическом и научном поле. Однако Бурдьё по-своему трактует специфику этой борьбы как стравливание производителей знания, которые при этом являются единственными потребителями результатов друг друга. Именно друг друга они хотят убедить в том, что владеют истиной и поэтому достойны власти.

Этот тезис уже через год несколько расширяет Д. Блур в своем варианте «сильной программы» социологии знания [Bloor 1976], провозгласив принцип симметричности. Он гласит, что для понимания успеха или провала, приписывания истинности или ложности конкурирующим высказываниям о знании (*knowledge claims*) должны использоваться одни и те же типы объяснения, т.е. ссылки на одни и те же типы условий производства знания. Нельзя объяснять успех одной теории ростом её эмпирического содержания, а провал её противницы — следованием ложной идеологии. Отсюда и удачный эксперимент, и логический вывод, и политическая конъюнктура, экономический интерес и культурная традиция — это все равновозможные основания для успеха в конкуренции, выступающие в качестве широко понимаемых социальных условий познания. Блур подводит социологический фундамент под тезис П. Фейерабенда о том, что в науке «все дозволено», и это до основания потрясло стандартную гипотетико-дедуктивную концепцию научного знания. В аналитической философии науки и возникающей программе STS (*science & technology studies*) стала укореняться мысль о важности изучения всей совокупности условий научной деятельности — вплоть до политических.

Решающее влияние на философию науки оказали трансформации в организации науки и образования на рубеже 20–21 вв. Так, в современной России именно реформа РАН совершенно иначе, чем раньше, поставила вопрос о соотношении науки и политики. До этих последних событий историки, социологи и философы науки могли обсуждать сталинские экскурсии в языкознание, печальные последствия лысенковщины, дикости «арийской науки», бериевские «шарашки», американскую науку в эпоху Маккарти и прочие исторические «кейсы» как события экзотического, но в целом минувшего прошлого. Сегодня складывается впечатление, что история поделилась на две части — до реформы и после нее. У Т. Адорно есть знаменитое выражение «*After Auschwitz*» для обозначения современной эпохи, когда «поэзия становится невозможна». Пусть реформа РАН несопоставима с Холокостом. И пусть до сих пор даже отчасти реализуется лозунг министра Д.В. Ливанова в духе Н. Макиавелли: «...Чтобы учёные не заметили переход от РАН к ФАНО» — как будто именно в этом, а не в развитии

науки, и была цель реформы. Однако сделано главное: официальным политическим актом государства наука лишена своего романтического ореола (идеал рациональности, поиск истины и проч.), ей отказано в самоуправлении, чем она полностью редуцирована к низшей ступени властной вертикали. И сделано это такими методами, чтобы в дальнейшем не оставалось сомнений: если возникнет даже подобие конфликта между государством и наукой, подобная встряска повторится незамедлительно. Какова же может быть независимая экспертиза государственных и научных проектов, если не обеспечена независимость науки в лице РАН?

Ответ на этот частный и в целом риторический вопрос зависит от разрешения ряда проблем значительно более общего характера, обладающих острой социальной актуальностью.

2. Каков социальный статус науки в наши дни? Является ли она одним из фундаментальных институтов? Что происходит с её статусом, функциями и структурой?

То обстоятельство, что социальные институты эволюционируют, не является тайной. Институт может изменяться достаточно существенно, оставаясь при этом одним из краеугольных камней общественной жизни. Если вести речь о науке, то её фундаментальный социальный статус — изобретение относительно недавнего прошлого. Полноценным социальным институтом наука стала не ранее середины 19 в.: это относится к её роли в системе производства, хранения и распределения знания в системе образования, СМИ, промышленности и принятия политико-экономических решений. Можно с уверенностью утверждать, что этот факт зафиксирован философами, выдвинувшими проект новой дисциплины: философии науки (У. Хьюэлл, Е. Дюринг), призванной обосновать новый социальный статус научного исследования. Наука — один из самых молодых социальных институтов и вместе с тем один из наиболее демократических и успешных. При этом науку нельзя сводить к совокупности НИИ или научных работников. Социальные функции науки таковы, что сегодня она проникает в самые тайные уголки коллективного и индивидуального существования, претендует на участие во всей жизни современного человека — от мелкого быта до высокого бытия. На мой взгляд, изменения в социальном статусе и функциях науки связаны со следующими факторами. Во-первых, это конкуренция социальных институтов (в разделе финансовых потоков, влиянии на экономику, политику и сознание). Во-вторых, велика роль дифференциации науки: выделения областей «корыстного» и «бескорыстного» любопытства. В-третьих, имеет место противоположный тренд интеграции науки, техники, промышленности и политики в «Большой науке». Наконец, в-четвёртых, здесь актуальные дилеммы, которые выносятся на коллективное обсуждение и уравнивают учёных с простыми налогоплательщиками, тем самым вводя науку в публичное пространство. Это противостояние милитаризации и безопасности, роста потребления и экологического кризиса, достоинств и недостатков бионаук, хитрокультуры, компьютеризации и пр.

Итак, наука становится максимально публичной, конкурируя в этом с попкультурой, но при этом учёные настаивают на своем выделенном эпистемическом статусе и особой экспертной функции. Роль науки в развитии современных технологий чрезвычайно велика, но престиж научной деятельности неуклонно снижается. Наука потребляет бюджетные деньги, но учёные не соглашаются работать в «сфере социальных услуг» и отказывают в компетенции чиновникам, назначенным их контролировать. Большая часть науки сегодня невозможна без технического оборудования и коллективной деятельности, но нобелевские премии получают отдельные индивиды. В общем, особенность современного бытия науки по сравнению с предшествующими эпохами характеризуется фундаментальной амбивалентностью; и это есть не столько методологическая, сколько *глобальная социальная проблема*.

3. От идеи типов научной рациональности недалеко до мысли, что сегодня существуют две науки. С одной стороны, это уходящая в прошлое классическая наука, ищущая истину, накапливающая факты и избегающая плагиата. С другой стороны, это набирающая силу технаука как большое бизнес-предприятие, производящее интеллектуальные продукты для правящих элит, необходимые для удержания власти, управления трендами и капиталами. Можно ли с этим согласиться?

Историческая истина в том, что науки отнюдь не занимались исключительно истиной с тех пор, как отделились от философской метафизики, а многие науки ушли от неё достаточно давно. Возникновение классической науки (Лондонское королевское общество, Кольберовская академия наук) было торжеством «полезного знания» (в стиле Ф. Бэкона) в то время, когда наука ещё только начинала оказывать существенно влияние на технику и экономику. Превращаясь в полноценный социальный институт, начиная динамично взаимодействовать с образованием, бизнесом, политикой, СМИ, современная наука превращается в «Большую науку», занимающуюся «мегапроектами». При этом мировоззренческая функция науки (истина, рациональность, этические и эстетические регулятивы) сохраняется, приобретая специфические формы. Наука строит научную онтологию, входящую частичной, но органической частью в совокупную обыденную картину мира. Наука учит людей рациональному мышлению и демократическому общению, научной честности и социальной ответственности — это ли не вклад в нравственное воспитание? Постичь смысл произведений высокого искусства никогда не было просто: настоящая музыка, живопись, литература требуют большой духовной работы. В немалой степени именно наука учит человека работать над собой. Свидетельства великих учёных от физиков до психологов показывают, что скрипка и палитра не так далеки от осциллографа и томографа.

Иное дело, что даже в «Большой науке» сохраняются те идеальные типы учёных, которые выделил ещё С. Шейпин [Sharin 1991] применительно к классической науке: учёный отшельник, «священник Природы» (И. Ньютон) и публичный учёный (Р. Гук). Казалось бы, именно последний тип отличает «Большую науку», в которой учёный призван стать и предпринимателем, пекущимся об истине не меньше, чем о своей интеллектуальной собственности. Представляется, что это не так. Г. Перельман, Я. Зельдович¹, А. Лосев, с одной стороны, и А. Сахаров, В. Гинзбург, Д. Лихачев, с другой, ярко репрезентируют сохранение данных типов в современной науке. Однако эти типы являются не столько личностно-психологическими характеристиками учёных, сколько указывают на специфику их биографии в данном социальном контексте, на особенность их локуса в истории науки и общества. Наука существенно изменяется как социальный институт, но идеальные типы учёных, населяющих науку, сохраняют свое многообразие.

4. Научные идеи и регулятивы имеют и ярко выраженное человеческое измерение. Эпоха Аристотеля, эпоха Ньютона, эпоха Дарвина... Заканчивается ли время учёных-одиночек, учёных-энциклопедистов? Смена поколений в науке, изменения в научном этосе нередко катастрофичны именно потому, что каждый великий учёный — это эпоха. Как возможна преемственность?

Идея «Большой науки», среди прочего, призвана свести к минимуму роль творческой индивидуальности примерно так, как идеология классической науки тяготела к элиминации

¹ Об особой аполитичности и аидеологичности Я. Зельдовича см.: Грэхэм 1989.

субъективности. Идея коллективного субъекта, всевластия лаборатории призвана заменить собой индивидуального познающего субъекта. Как утверждает Б. Латур, «именно в лабораториях генерируются новые источники власти» [Latour 1983: 160]. Все открытия, методы и регулятивы изначально рассматриваются как результат коллективной деятельности. Тому есть серьёзные основания, однако дело, как всегда, в деталях. Какова структура коллективного субъекта познания — не является ли он совокупностью социальных ролей, которые играют индивиды? Так ли беспроблемно и обезличено принятие коллективного решения? Появление нового направления в эпистемологии — *collective epistemology*² — указывает именно на сложности коллективного познавательного процесса. Коллективная эпистемология как раз проблематизирует редукцию индивидуального знания к коллективному и наоборот, вводя в эпистемологический оборот такие понятия как согласие и несогласие, роль большинства и меньшинства в принятии решения, свидетельство, коллективное обоснование, эпистемические добродетели, суммированное знание, распределенное знание и др.³ В рамках коллективной эпистемологии и разрабатываются методы решения проблемы преемственности в научном познании.

Одним из ярких примеров поколенческого (не чисто возрастного) конфликта является история взаимоотношений Т. Эдисона и Н. Теслы (на 9 лет моложе) — так называемая «война токов». Конфликт был обязан вовлеченности обоих в коммерциализацию электричества — на стороне Теслы оказался ещё и Дж. Вестингауз. Противостояние не могло разрешиться иначе, как победой одной из сторон: в итоге победила концепция переменного тока Теслы. Другой столько же яркий пример — спор Н. Бора и В. Гейзенберга (на 16 лет моложе) об интерпретациях квантовой механики. Гейзенберг вспоминал, что он однажды расплакался, поскольку не мог больше вынести этого давления со стороны Бора. Однако потом он писал, что только из этих дискуссий с Бором он понял: нельзя совсем отказаться от естественного языка в пользу математики, чтобы описать наблюдаемые явления. Пусть используемые понятия несовершенны, неточны, но ничего другого у человека нет. Этот спор разрешился иначе, чем конфликт Эдисона и Теслы, поскольку не был связан с коммерцией. Бора и Гейзенберга в первую очередь интересовала наука как таковая. Третий пример касается психологии, в частности, неразрешимого конфликта Л. Выготского и А. Леонтьева (на 7 лет моложе) в начале 30-х гг.: он был обязан не столько теоретическим расхождениям, сколько стремлению Леонтьева приспособиться к меняющейся идеологической ситуации. Примечательно, что автор исследования этой темы указывает: «...Этот текст не предназначен для того, чтобы приуменьшить значение Леонтьева или Выготского для психологии. Его целью является обсуждение различных версий истории преемственности в работе этих двух авторов» [Мартинс 2013: 106].

Вопрос о сохранении преемственности — это также и переформулировка вопроса о том, можно ли сохранить относительную автономию научного сообщества от коммерции или идеологии. В противном случае исчезнут научные школы, фундаментальная наука станет делом одиночек, и сохранится лишь «технонаука», работающая на социальный заказ.

² См., например: Lacey 2014.

³ См. также: Касавин 2014.

5. *Сегодня науку буквально взрывают междисциплинарные направления типа когнитивной экономики, наномедицины, астробиологии, биоинформатики. НБИКС-технологии являются постоянным предметом обсуждения. По какой причине отстаёт социогуманитарная экспертиза технических и социальных новаций?*

Бионаука в смысле методологии и технологии исследований — это результат взаимодействия биологии с другими науками. Выражусь даже сильнее: это капитуляция биологии и медицины перед физикой, химией и вычислительной математикой. Одновременно бионаука как прикладное исследование представляет собой органическую (в прямом и переносном смысле) часть технауки, нацеленной в первую очередь на приложения и использование в рыночной экономике. Так или иначе, но теория в биологии утратила прежнюю ценность и стала основанием лишь для философских спекуляций. Это плоды «междисциплинарного империализма», востребованного в прикладных проектах, ценность которых понятна власти и бизнесу, но мало что даёт для интертеоретического взаимодействия. Крупные проекты такого рода инспирированы в основном социальными задачами и рассматриваются просто как их реализация, хотя фактически выходят за их пределы и модифицируют исходный социальный заказ.

Что же касается крупных гуманитарных проектов, то они в России вообще редко удаются (преодоление массовой неграмотности после революции и послевоенный образовательный прорыв — немногие исключения), и причин этого немало. Во-первых, нынешнее поколение политиков считает себя достаточно образованным, чтобы самостоятельно формулировать цели и выбирать средства социокультурного развития. Во-вторых, отношение к народу как инертной массе и человеку как винтику машины продолжает культивироваться во властных кругах. В-третьих, общее торможение социально-гуманитарных наук обязано авторитарной политической системе, в которой чиновник заинтересован не в объективной оценке своего труда, а в демонстрации преданности начальству. Поэтому нет адекватного понимания природы и программы развития социотехнических наук, которые способны давать (а в некоторых странах уже дают) эффективные организационные и экспертные решения. Наконец, в-четвёртых, ещё предстоит преодолеть сохранившееся недоверие «физиков» к «лирикам», обязанное как десятилетиям диалектико-материалистической пропаганды, так и провалам новейших социальных реформ, проводимых руками либеральных экономистов. Нередко социально-гуманитарная экспертиза рассматривается как очередное некомпетентное и ангажированное вторжение в науку, что порой соответствует действительности. И деятельность чиновников, направленная на ликвидацию РАН, представляет собой как раз попытку атомизировать науку, предотвратить взаимопонимание между учёными разных дисциплин, не допустить объективной оценки глобальных научно-технических и социальных проектов.

6. Повестка политэкономических исследований науки и техники на Западе

В рамках СТС постоянно исследуется политико-экономическая составляющая науки и техники и одновременно — роль науки и техники в современной экономике и политике. Отсюда вырастает особое направление исследований, получившее название «экономики знания» (knowledge economy), или «политическая экономия науки» [Sismondo 2010]. Постепенно происходит включение данного термина и в отечественный научный дискурс⁴.

Термин «экономика знания» [Callon 2002] обычно относится к экономике, основанной на высокоразвитом техническом знании. Он же применяется для характеристики такого типа

⁴См., например: Экономика и социология... 2009: 219.

экономики, в котором знание является одним из основных продуктов и товаров. Из первого вида экономики знания вытекает второй, но обратное отношение не является необходимым. В новой экономике знания двадцатого и двадцать первого веков социальные субъекты рассматривают технические знания как ресурс и пытаются владеть или управлять ими с помощью механизмов интеллектуальной собственности. В бизнес-школах преподают дисциплину «управление знаниями», обучая тому, как создавать потоки знаний (аналогичные денежным потокам) и как институты и организации могут использовать их наиболее эффективно. Знание рассматривается в STS как своеобразная квази-реальность, и поэтому значение экономики знания второго рода не утрачивается, даже если реальная экономика является нерыночной, основанной на дарении или общественных фондах потребления. Серджио Сисмондо, главный редактор ведущего дисциплинарного журнала «Social Studies of Science», подчёркивает, что в рамках СТС эпистемические и политические процессы не отделяются друг от друга непроходимой стеной [Sismondo 2010: 189], благодаря чему может проводиться реальное изучение целостных научно-технических сообществ, в которых происходит производство, распределение и потребление знаний.

В данном контексте приоритетным предметом СТС становится текущая идеология управления знанием в развитых странах, обычно называемая «неолиберальной научной политикой». Последние годы перестройка российской науки и образования также движется именно в этом русле. Вот лишь некоторые из тех вызовов, которые обнаруживает СТС в этом варианте неолиберализма.

7. Сводима ли современная наука в своих существенных чертах к технонауке?

Этот вопрос упирается во многом в определение технонауки, которое пока ещё остаётся неудовлетворительным. Сам термин был введён Г. Башляром (1953), популяризирован Ж. Оттуа [Hottois 1997] и разработан рядом исследователей, не в последнюю очередь Д. Айди [Ihde, Selinger 2003] и М. Каллоном [Callon 1999]. Он предполагает включение в понятие науки когнитивных факторов (историческое развитие самого знания), социального контекста науки, а также «материальных» элементов (объектов исследования, природной среды, приборов и инструментов и т. п.). Подобное определение, распространённое и в ряде популярных источников, акцентирует в духе известного «онтологического поворота» материальную составляющую науки, которую исследователи всегда итак принимали по умолчанию. Ещё К. Попперу в его «теории трех миров» не могло не быть ясно, что и мир психики, и мир «объективного знания» существуют благодаря материальным носителям — книгам, лабораториям, самим людям с их телами и мозгами, наконец. Конечно, пора перестать рассматривать науку как «царство чистой мысли», если это кто-то вообще делал. Но ведь и сама материальность отнюдь не даёт однозначного решения каких-либо проблем. Не только «вещи дают сдачи» (Б. Латур), но они и обманывают, и подлежат критике, деконструирующей в том числе и субстанциалистское понимание природы⁵. А широкое понимание техники как «humanity in action» [Pitt 2000] вообще размывает различие между типами научности разных исторических эпох и позволяет применять термин «технонаука» чуть ли не к Архимеду.

⁵ Такова, например, технокритическая программа Д. Харауей, развенчивающая объективистские претензии биологов. См. её статью и ряд других в: Ihde, Selinger 2003, а также: Russon 1991.

8. *Исчерпывает ли академический капитализм основное направление современной трансформации науки и техники или же он представляет собой пусть и влиятельную, но отнюдь не единственную стратегию? Каковы возможные альтернативы?*

Западные интеллектуалы весьма озабочены состоянием дел в собственной области. Социально-политический тренд в СТС приводит к острой критике капитализма в области науки и образования. Эд Хэкетт, главный редактор одного из наиболее рейтинговых журналов в СТС, посвящает свою редакционную статью проблеме академического капитализма.

Он использует термин «academic capitalism»⁶ для того, чтобы распространить проект М. Вебера, возникший применительно к немецкой университетской системе в начале 20 в., на обстоятельства существования науки и техники в современных США. Так, в науке все шире распространяется отчуждение учёного от результатов его труда, неудовлетворение условиями и самим процессом исследования, и это стало главными темами дискуссий об изменении ценностей и культуры американской университетской жизни. Последние десятилетия растущей концентрации благ и доходов привели к резкой диспропорции. Инвестиции были накоплены очень узким кругом исследовательских организаций, которые безмерно расширили и усилили свое влияние на всем пространстве производства знания и инноваций. В пяти крупнейших университетах (Гарвард, Йель, Техас, Стэнфорд, Принстон) произошла внушительная концентрация капитала: их эндаументы достигли в сумме 110 млрд. долларов, что равно объёму эндаументов пятнадцати следующих богатейших университетов [Hackett 2014].

Хэкетт профессионально работает в области исследования sustainability (устойчивого развития). Поэтому он напоминает, что существенная функция демократической системы исследований и образования состоит в развитии знания, борьбе с бедностью, повышении благосостояния и утверждении человеческой свободы и возможностей для обеспечения долгосрочного будущего нашей планеты и её обитателей. Однако новый американский университет, сформированный в условиях режима академического капитализма, — совсем не место для открытого исследования, в котором демократические и гуманистические ценности направляют науку и технику на достижение общего блага. Вывод Хэкетта неутешителен. Как только академические институты становятся во все большей степени зависимыми от привлечения внешнего и аккумуляции внутреннего капитала, они утрачивают свободу, цель и способность быть независимой моральной силой в современном обществе. Деньги не могут быть целью науки и образования!

9. *Общественное восприятие науки*

Сложность современной науки не в последнюю очередь определяется «техничностью» её языка, её теорий и экспериментальных установок. Как же довести эту сложность для обывденного сознания обычного человека? Все углубляющийся разрыв между наукой и обществом обесценивает науку в массовом сознании, а последнее попадает в плен лженаучных воззрений, религиозной веры и детских заблуждений. С. Сисмондо обращает внимание на то, что трудности популяризации науки в немалой степени обязаны непониманию социальной природы научной деятельности. Она обусловлена профессиональной культурой и интересами, а её утверждения и продукты производны от насквозь социальных процессов. И это контрастирует с обывденным образом науки в популярных изданиях. Причина — в «доминантной модели» популяризации науки: «наука производит настоящее знание, но оно слишком сложно для широкого понимания. Отсюда и роль медиаторов, переводящих настоящее

⁶ Академический капитализм не следует путать с «академическим капиталом» — термином, введённым П. Бурдьё для характеристики способности индивида делать научную карьеру [Bourdieu 1984: 5, 41].

научное в упрощённые версии для общего потребления. С точки зрения науки, однако, всякое упрощение есть искажение. Поэтому популяризация является неизбежным злом, и ей не следует заниматься работающим учёным, ещё занятым продуктивным исследованием. Научная культура сильно демотивирует учёного в его попытках медиации и указывает ему на то, как следует осуществлять популяризацию, если он занялся ей. Популяризация загрязняет сферу чистого исследования» [Sismondo 2010: 170] и представляет собой «фабрику невежества» (manufacture of ignorance).

И все же популяризация науки оказывает обратное влияние на научное исследование. Популярны тексты влияют на науку, потому что едва ли не большая часть их читателей — это люди, имеющие некоторое отношение к науке. Даже в рамках специальных областей знания цитирование статей тем чаще, чем больше об этих достижениях пишут в газетах. На деле между реальной и популярной наукой существует не разрыв, а континуум, пусть учёные это и отрицают. Сисмондо приводит следующий характерный пример. В 1980–1990 годах ряд астрономов пропагандировали идею о том, что крупные астероиды представляют существенную угрозу для Земли. Развитие этой идеи в науке было воспринято в культуре и искусстве, где привело к созданию соответствующих романов и фильмов. Это, в свою очередь, сформировало тот самый нарратив, в котором космическое ядерное оружие служит героическому спасению нашей планеты. А отсюда уже пришло обоснование для разработки ядерного оружия и милитаризации космоса для охраны Земли от астероидов.

Можно привести альтернативный пример из той же области. Для этого достаточно проследить связь между идеями русского космизма и возникшей под их влиянием русской традиции научной фантастики. Последняя пробудила в массовом сознании интерес к исследованиям космоса и внесла вклад в идеологию глобального космического проекта, а также вообще окружила поэтическим ореолом фигуру инженера. Этому в немалой степени обязан послевоенный научно-технический прорыв как в атомной, так и в космической области [Соколова 2014].

10. Происходит ли отмирание мировоззренческой роли науки под воздействием неоллиберальной научной политики или же она сопряжена с формированием иного, зарождающегося мировоззрения?

В баварском городе Айхштете на Альтмюле (приток Дуная) стоит стилизованная под Средневековье устрашающая инсталляция. Это лебёдка с подвешенной над водой клеткой, в которую заключена фигура нерадивого булочника. На мосту — разъясняющая надпись о том, что булочника ждёт наказание за жульничество в виде частичного утопления в данной клетке. Классический либерализм со времён А. Смита представлял науку как свободный рынок идей, не подлежащий внешней регуляции. Учёные производят открытие, публикуют их и предлагают для использования, руководствуясь моральным кодексом истины и новизны, при этом обман и плагиат наказуем исключением из сообщества. Это своего рода цеховая структура типа булочников, которые обязаны печь хлеба и пирожки, не снижая общепринятого размера и веса. Наука автономна, не зависит ни от государства, ни от церкви, а её мировоззренческое значение, т.е. влияние на общественное сознание, опосредуется коммерческим институтом — книгопечатанием — и пропорционально гонорару автора.

Впрочем, такого рода наука представляет собой в большей степени идеал, чем реальность. Даже достижения чистой науки, которая, казалось бы, и в самом деле автономна, редко изолированы от своих возможных приложений, да и рождаются не без влияния практических задач и социальных обстоятельств. А уж мировоззренческое значение наука приобрела значительно раньше, чем продемонстрировала практическую полезность. Античные философы ди-

станционировались от софистов именно стремлением к знанию во имя личностного развития. И идеи Коперника или Дарвина обрели популярность потому, что открывали новые миры, а не обещали рост прибыли.

Неолибералы же под предлогом важного социального заказа перестраивают структуру науки так, чтобы она служила извлечению прибыли или, по крайней мере, экономии бюджетных средств. И наука действительно оказывается эффективным бизнесом с приложениями в образовании, технике и манипулировании сознанием. С помощью науки можно целенаправленно формировать новое мировоззрение. Так с использованием ряда социогуманитарных технологий возникла особая картина мира в обществе победившего социализма и совсем иная — в капиталистическом обществе потребления. Сегодня с помощью научной пропаганды продвигается идея пост- и трансгуманизма как мировоззрения, в котором радикально пересматриваются культурные основы европейской цивилизации. В этом смысле неолиберализм, выступающий как научная политика, не отрицает мировоззренческую функцию науки; он стремится подчинить её политическим и экономическим задачам. В этом смысле он приходит к отрицанию классического либерализма с его идеей автономности науки.

11. Является ли наука и её результаты видом общественного блага, которое должно быть равнодоступным для всех? Или это рыночный продукт, адекватной формой которого является копирайт и патент? И неизбежна ли эта дилемма?

В обсуждении этой проблемы особое место занимает С. Фуллер, завоевавший известность резкими выступлениями против ортодоксии СТС. Он призывает к пересмотру её актуальной повестки, фактически ставя вопрос о политической философии науки [Fuller 2007]. Каково влияние глобализации на науку и технику? Можно ли строго разграничить науку и другие формы знания? Имеет ли место политизация науки? Какова роль социального регулирования в научном исследовании? Как обеспечить демократию в науке и образовании? Стоит ли беспокоиться по поводу нечестной науки?

Постановка этих и других вопросов призвана, по мысли Фуллера, вернуть собственно философию в СТС, которые последнее время сосредоточились почти исключительно на ситуационных исследованиях. И тому есть объяснение: философские корни всякой дисциплины уходят из вида по мере её взросления. Однако СТС утрачивает важный ресурс, отказываясь от философии, полагает Фуллер. И здесь он словно повторяет разделяемое многими российскими философами мнение о том, что философия науки есть философская дисциплина, а науковедение, противопоставив себя философии науки, утратила теоретическое ядро. Цель его критики — представление о самодостаточной «внутренней динамике» науки и техники. Фуллер подвергает её деконструкции и обнаруживает за ней «стратегически сфокусированную версию случайных обстоятельств (contingencies), влияющую на остальную социальную реальность». Границы между наукой и политикой условны и проницаемы, нужно лишь разоблачить «пропагандистскую линию авторитарной истории и философии науки, замалчивающей феномен политического» [Там же: 3].

Философско-научная ортодоксия, которую критикует Фуллер, онтологизировала стандартную концепцию науки и посадила на трон научных экспертов — обладателей подлинного знания. Но их авторитет сталкивается в информационном обществе с феноменом распределенного знания (distributed knowledge): только сообщество в целом обладает максимальным знанием и потому способно принимать сбалансированные решения. Мнением налогоплательщика, электората, «человека с улицы» (А. Шюц) не только нельзя пренебречь: оно выходит на авансцену в обществе массового высшего образования, поисковых машин и соци-

альных сетей. И этот же человек имеет право на знание, которое государство должно обеспечить.

Защиту «когнитивной демократии» призван взять на себя «публичный интеллеktуал», в котором сливается воедино политика, философия и наука; его С. Фуллер противопоставляет «академику» как камерному университетскому профессору [Fuller 2009: 84]. Время последнего с его системами и трактатами истекло: наступает эпоха, когда нужно живо откликаться на актуальную повестку и самому задавать ее, будируя общественное мнение интеллектуальными скандалами и памфлетами. Однако не стоит удивляться, что значительная категория философов и учёных отвергнут такую стратегию. Уж больно она напоминает Дезиньори с его «фельетонным стилем» из романа Г. Гессе «Игра в бисер». Традиционный образ профессора в купе с идеей независимого университета ещё далеко не изжиты в сознании учёных, потому что фиксируют нечто, существенно отличающее науку от других форм культуры.

В чем же особенность науки как формы сознания, типа деятельности и способа коммуникации? Чтобы политика защиты науки была оправдана, последняя должна иметь *differentia specifica*. Чтобы играть какую-то политическую роль, наука не может не иметь определенной автономии. И последняя востребована в тех случаях, когда нужны новые решения в нестандартных ситуациях. То, что атомный проект нереализуем без выдающихся физиков, понимал даже Сталин. Иначе бы Л. Ландау, арестованный в 1938 г. за реальную борьбу с режимом, не получил бы уже в 1946 г. Сталинской премии. Приходится признать, что специальные знания производятся именно благодаря систематической деятельности учёного, а не фрагментарному интересу дилетанта; в лаборатории, а не на площади; в науке, а не в «Фейсбуке». Специальные знания выполняют важную социальную функцию: они фрагментируют общество, разделяют его на более знающих и менее знающих, создают когнитивные диссонансы, побуждают к проблематизации статус кво, содержат проекты развития. Тоталитарный режим уничтожает учёных, добиваясь когнитивной гомогенности, чем создаёт и условия социальной однородности, делающей протест невозможным.

Вплоть до 19 в. европейское общество колебалось между безразличием, недоверием и враждебностью к науке, с одной стороны, и растущим интересом к ней, с другой. Затем почти два века подряд идея науки захватила широкие массы, слилась с идеей техники, и университетское образование стало в итоге обычным явлением. В настоящий момент возникает впечатление, что общество пресытилось научным знанием и убедило себя в том, что для благополучной жизни достаточно и его технических приложений. Должно ли тогда правительство посвящать часть своих ресурсов финансированию фундаментальных исследований? С точки зрения экономики, как полагает М. Каллон, наука как таковая является не бизнесом, а общественным благом, и по этой причине она должна быть защищена от рыночных сил. Однако этого тезиса можно придерживаться только ценой отказа от традиционной аргументации самих экономистов. Это требует полного пересмотра наших привычных способов мышления об общественном благе как о том, что основано на идеале, финансируется по остаточному принципу и делится на всех поровну. «Наука является общественным благом, но отнюдь не по причине своих внутренних качеств, а лишь потому, что она есть источник социального разнообразия и изменчивости» [Callon 1994].

* * *

В романе «Игра в бисер» Г. Гессе отдал должное распространённой амбивалентности науки, раздваивающейся между башней из слоновой кости и служением обществу. Сегодня между возвышенно-меланхолической госпожой и суетливой служанкой вклинился третий характерный персонаж — когнитивный менеджер. Он призван репрезентировать науку как политического игрока на свободном рынке, объединяя в себе эксперта, публичного интеллекту-

ала и чиновника от науки. Его задача двудеина. С одной стороны, это обеспечение сбалансированного существования науки в системе современных вызовов и угроз. С другой же, это создание сверхприбыли в условиях глобального капитализма (университетских эндаументов, раскрутка новейших открытий и технологий типа «Айфона» или лекарства против СПИДа). Организуя партнерство между учёными, инженерами, предпринимателями и политиками, он практически осуществляет science policy. Какие смыслы диктует русский язык этому выражению — аллюзии с демократией греческого полиса, с грязными политтехнологиями, с полицией, с формой светского этикета (политеса), побуждающего богача жертвовать на культуру? Философия науки не может игнорировать политику хотя бы потому, что та не оставляет науку в покое. Даже если мы не интересуемся политикой, все равно настанет время, когда она заинтересуется нами.

Грэхэм Л. 1989. *Естествознание, философия и наука о человеческом поведении в Советском Союзе*. — М.: Политиздат.

Касавин И.Т. 2014. К эпистемологии коммуникации: сила и слабость аналитического оптимизма. — *Вопросы философии*. — № 7.

Мартинс Ж. 2013. Заметки об отношениях между Выготским и Леонтьевым: А была ли тройка? — *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*. — № 1.

Соколова Т.Д. 2014. Фантастика или наука? Советская научная фантастика и космические исследования. — *Социальная философия науки. Российская перспектива. К юбилею В.С. Степина. Материалы конференции*. Т. 5. Секция 4. СТС — Эпистемологическая специфика обществознания. — М.: Альфа-М.

Экономика и социология... 2009. *Экономика и социология знания: практическое пособие*. — М.: Наука.

Bloor D. 1976. *Knowledge and Social Imagery*. — Chicago: University of Chicago Press.

Bourdieu P. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. — Harvard University Press.

Bourdieu P. 1975. La spécificité du champ scientifique et les conditions sociales du progrès de la raison. — *Sociologie et sociétés*. — № 7(1).

Callon M. 2002. From Science as an Economic Activity to Socioeconomics of Scientific research. The Dynamics of Emergent and Consolidated Techno-economic Networks, in Mirowski P., Sent E. (ed.). *Science bought and sold. Essays on the Economics of Science*. — Chicago, London : The University of Chicago Press.

Callon M. 1994. Is Science a Public Good. Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993. — *Science, Technology and Human Values*. — № 19 (4).

Callon M. 1999. The Role of lay People in the Production and Dissemination of Scientific Knowledge. — *Science, Technology and Society*. — № 4 (1).

Fuller S. 2007. *New Frontiers in Science and Technology Studies*. — NY: Polity Press.

Fuller S. 2009. *The Sociology of Intellectual Life*. — L.: Sage.

Hackett E. 2014 Academic Capitalism. — *Science, Technology & Human Values*. — № 39(5).

Hottos G. 1997. *La philosophie des technosciences*. — Presses des Universités de Côte d'Ivoire, Abidjan.

Ihde D., Selinger E. 2003. *Chasing technoscience: matrix for materiality*. — Bloomington: Indiana University Press.

Lackey J. (Ed). 2014. *Essays in Collective Epistemology*. — Oxford: Oxford University Press.

Lakatos I., Musgrave A. Ed. 1970. *Criticism and the Growth of Knowledge*. — Cambridge: Cambridge University Press.

Latour B. 1983. Give Me a Laboratory and I Will Raise the World. — In: K.D. Knorr-Cetina and M. Mulkay (Eds). *Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science*. — London: Sage.

Pitt J. 2000. *Thinking about Technology*. — NY: Seven Bridges Press.

Russon, A. 1991. Deconstructing Primatology? — *Semiotic Review of Books*. — № 2(2).

Shapin S. 1991. The Mind is Its Own Place: Science and Solitude in Seventeenth-Century England. — *Science in Context*. — № 4(1).

Sismondo S. 2010. *An Introduction to Science and Technology Studies*. — Chichester: Wiley-Blackwell.